

правлении общих моральных проблем или практических правил жизни, в них не могли не отражаться теоретические, догматические и философские предпосылки католической веры, и посему русские ученики могли выносить из школы впечатления, существенно отличные от традиционных русских православных воззрений и понятий.

Московские иезуиты сознавали это, но старались скрыть свое влияние. В 1707 году Милан писал по этому вопросу следующее: «как мы до сих пор учили, в этом нет ничего предосудительного, так как мы брали не всякого, но из среды более знатных людей, которые не располагаются к изучению богословия, — следовательно, от них нет никакого вреда для церкви, напротив, есть даже некоторая польза, потому что нас здесь считали прежде наравне с татарами, а теперь стали признавать за христиан, а иные не только признают, что мы христиане, но и нечто большее начинают чувствовать».⁵⁰ Это «большее» мы понимаем в том смысле, что у иных из учеников московских иезуитов слагались представления о великом значении католичества вообще, может быть, о его превосходстве над русским православием. Судя по словам Милана, самый подбор русских учеников его школы устранил возможность нарочитой обработки кого-либо из них в католическом духе. Все это были дети знати, имевшие склонность к светской жизни, к тому же в такой среде открытая католическая пропаганда была бы и опасной, ибо знатные родители учеников имели влияние в Москве и были обеспокоены за судьбу и нравственное воспитание своих сыновей. Оставалось внушать юношам «правила благочестия» и нравственности, как дополнение к разным положительным знаниям языков, математики, военного искусства и т. п.

Во всяком случае иезуитская школа в Москве лишилась в 1705 году своих русских учеников не вследствие вмешательства церковных или светских властей из-за возможной вероисповедной опасности обучения у иезуитов, а вследствие той обстановки, которая создалась в годы войны со Швецией. Интересы войны заставили прервать обучение русских юношей. Этот факт представлялся московским иезуитам лишь временным затруднением в жизни школы. Для такой уверенности на протяжении 1706—1716 годов имелось достаточно оснований. Именно в эти годы католикам удалось получить от царя Петра давно желанное Риму и Вене формальное письменное подтверждение разрешения на свободное отправление католического богослужения в России, на постройку церкви, на устройство школы и т. п. Этот документ не вполне отвечал желаниям и ожиданиям римского престола и венского двора, ибо он был сформулирован не в общей форме, а касался только иезуитов, да и то в отношении прав, которых издавна и настойчиво добивались от Петра I центры католического мира. Но несмотря на ограничения это был все же крупный шаг вперед и в осуществлении плана сооружения каменной церкви в Москве и в организации школьного дела. Мы не можем входить здесь в обсуждение всех вопросов, затронутых в документе, отметим только то, что относится в нем к католической школе в Москве.

В начале декабря 1705 года в Гродно Петр подписал грамоту, разрешавшую капуцинам основать в Москве монастырь.⁵¹ Эта милость ордену капуцинов вызвала немалое волнение у московских иезуитов, «которые увидели в ней угрозу своему положению в Москве, как единственному до сих пор представителю католической церкви».⁵² Благодаря содействию императора Иосифа I,

⁵⁰ Там же, № 330 (153); ср. указание Коцебу (A. K o t s e b u e, *Erinnerungen...*, Bd. II, S. 341) о том, что в католической школе «молодые люди привыкают к католической вере» (из записи неизвестного нам лица о планах Рима в России).

⁵¹ См. текст: Е. Ф. Шмурло. Неизданная грамота Петра Великого 1705 г. В кн.: *Conférence des Historiens des états de l'Europe Orientale et du monde Slave*. Varsovie, 1928, pp. 191—206.

⁵² Ср.: Письма и донесения, № 322 (138).